
Теоретические подходы к проблеме психологической экспертизы пацифистских убеждений призывников

Стволыгин К.В., кандидат исторических наук, доцент кафедры психологии и конфликтологии филиала Российского государственного социального университета в г. Минске, Республика Беларусь (konstvol@mail.ru)

Целью статьи является анализ теоретических подходов к проблеме проведения психологической экспертизы пацифистских убеждений лиц, подлежащих призыву на военную службу. Узаконение в Российской Федерации и других странах – участниц СНГ, альтернативной гражданской службы актуализирует проблему установления подлинности пацифистских убеждений, поскольку неизбежно возникают спорные случаи, связанные с вынесением суждений о наличии или отсутствии искренних убеждений, не совместимых с несением военной службы у призывников. Рассматриваются основные составляющие проблемы проведения психологической экспертизы пацифистских убеждений: дифференциация убеждений призывников и выделение убеждений, дающих право на освобождение от военной службы и прохождение службы альтернативной; установление подлинности пацифистских убеждений; возможности использования для этого специальных психологических знаний, методов и методик. Классифицируются и анализируются основные критерии, используемые при проведении психологических экспертиз пацифистских убеждений.

Ключевые слова: альтернативная служба, пацифистские убеждения, психология религии, психологическая экспертиза, юридическая психология.

Узаконение в Российской Федерации и других странах – участницах СНГ альтернативной гражданской службы актуализирует проблему установления подлинности пацифистских убеждений, поскольку неизбежно возникают спорные случаи, связанные с вынесением суждений о наличии или отсутствии искренних убеждений у призывника, не совместимых с несением военной службы [4]. Разрешение спорных случаев происходит в судебном порядке, где и встает во всей своей остроте вопрос проведения психологической экспертизы убеждений призывников. Актуальность исследуемой проблемы детерминируется также и низкой степенью ее проработки в научной литературе. Кроме того, в опубликованных материалах об альтернативной службе отражается главным образом современный опыт западных стран. Он, безусловно, ценен, но его явно недостаточно. Условия прохождения военной службы, ее популярность среди призывников, законопослушание граждан, проживающих в странах СНГ, во многом

отличаются от других стран. Именно поэтому важно учитывать не только зарубежный, но и отечественный опыт.

В качестве ключевой проблемы проведения психологической экспертизы пацифистских убеждений выделим проблему доказательности суждений о наличии у призывников убеждений, дающих право на освобождение от военной службы и выбор альтернативной гражданской службы. Если детализировать данную проблему, в качестве основных ее составляющих можно отметить:

- дифференциацию убеждений призывников и выделение убеждений, дающих право на освобождение от военной службы и прохождение службы альтернативной;
- установление подлинности пацифистских убеждений;
- возможность использования специальных психологических знаний, методов и методик.

Необходимость дифференциации убеждений призывников и выделение убеждений, дающих право на освобождение от военной службы и прохождение службы альтернативной, продиктовано тем, что перечень возможных убеждений потенциальных призывников обширен, однако не все из них признаются основанием для освобождения от воинской службы. Логично предположить, что в качестве такого основания могут рассматриваться только убеждения пацифистского характера. В большинстве стран, где позитивно относятся к отказам от военной службы по убеждениям и где действует институт альтернативной службы, к таким убеждениям относят, прежде всего, религиозные, философские и этические. К этому перечню могут быть добавлены и политические убеждения. Так, в Российской Федерации политические убеждения не исключены из перечня убеждений, являющихся основанием для замены военной службы на альтернативную гражданскую. Вместе с тем как отечественный, так и зарубежный опыт государственной политики в отношении отказов по убеждениям от воинской службы свидетельствует, что такой подход представляет собой скорее исключение, чем правило. В России еще с петровских времен члены религиозных сект бегунов, неплательщиков, немояков уклонялись от военной службы, также как и от других повинностей, налагаемых государственной властью, будучи убежденными, что данная власть – власть антихриста. Однако в последующем в Российской империи даже самые радикальные сторонники политики освобождения от военной службы по убеждениям исключали из их числа политические убеждения. В 20-е годы прошлого столетия в советском государстве существовала законодательно закрепленная практика освобождения от воинской повинности граждан, чьи убеждения противоречили этой службе. Основанием являлись только религиозные убеждения.

До середины 60-х гг. XX в. в ФРГ число отказников от военной службы составляло около 4000 в год. В большинстве своем от военной службы отказывались коммунисты. Они не хотели воевать против предполагаемого в то время врага — армий стран Варшавского Договора, в которых служили такие же, как и они, коммунисты. Часто им отказывали в освобождении, обосновывая отказ тем, что у них нет убеждений совести, которые зафиксированы в конституции страны. Их

мотивы скорее считались политическими и поэтому недействительными с точки зрения права. Вследствие этого многие молодые люди в Германии, отказавшиеся от военной службы, считались трусами и предателями родины [1].

Актуальность проблемы практической дифференциации пацифистских убеждений призывников и выделение из них дающих право на освобождение от военной службы и прохождение службы альтернативной детерминируется также и необходимостью отделять убеждения пацифистского характера от убеждений корыстной направленности. К числу последних, к примеру, может быть отнесено убеждение, что личное благополучие всегда важнее любых гражданских обязанностей. Например, в Голландии часть молодых людей призывного возраста отказываются служить в армии по экономическим причинам, так как служба мешает их карьере. Этим молодых людей называют «яппи-отказниками». Актуализируют задачу дифференциации убеждений и имевшие место как в прошлом, так и в настоящем попытки призывников замаскировать имеющиеся у них убеждения корыстной направленности под пацифистские.

Независимо от того, признаются ли в качестве основания для освобождения от военной службы любые противоречащие ей убеждения или только часть из них, крайне важен вопрос об установлении подлинности пацифистских убеждений. Если говорить точнее, таких вопросов несколько. Прежде всего, можно ли в случае необходимости доказательно судить о наличии или отсутствии у человека тех или иных убеждений и как это сделать? В нашем случае – о наличии искренних убеждений у призывника, не совместимых с несением военной службы.

В психологии убеждения определяются как представления, знания, идеи, ставшие мотивами поведения человека и определяющие его отношение к разным сферам действительности; компоненты мировоззрения личности [3]. Чтобы доказательно судить о наличии или отсутствии у человека тех или иных убеждений, необходимо выделить их критерии. Проанализируем возможные критерии на предмет их доказательности, разделив на внешние и внутренние.

В качестве внешнего критерия пацифистских убеждений, прежде всего, рассмотрим принадлежность к религиозной секте, вероучение которой не совместимо с исполнением обязанностей воинской службы. Именно он выступал как единственный критерий в Российской империи при освобождении меннонитов от воинской повинности*. Человек, состоявший членом секты меннонитов, считался меннонитом, имеющим пацифистские религиозные убеждения, в результате автоматически получал право на освобождение от воинской повинности. Экспертиза индивидуальных убеждений не предусматривалась и не проводилась. При этом истории известно немало примеров, когда религиозные сектанты, в том числе и меннониты, отступали от своих пацифистских принципов и брались за оружие. Как показывают исследования западных специалистов, в 1813–1814 гг. некоторые молодые меннониты участвовали в Прусской освободительной войне против Наполеона, хотя братство в целом при этом оставалось верным пацифистским принципам своего вероучения [7].

*В Российской империи официально признавалось право на отказ от воинской повинности вследствие религиозных убеждений только за сектой меннонитов. Начиная с 1874 г. для меннонитов всесословная личная воинская повинность стала заменяться альтернативной гражданской службой.

К внешним критериям можно отнести также образ жизни и характер деятельности лица, подлежащего призыву на военную службу и отказывающегося ее проходить в силу его убеждений. Предположим, человек неоднократно совершал насильственные действия (активно участвовал в драках или совершил преступление, связанное с насилием) или применял оружие (военная служба, правонарушения с применением оружия, охота), а на момент призыва на военную службу заявляет о наличии у него убеждений, не совместимых с ее прохождением. Могут ли такие факты служить основанием для отрицания подлинности пацифистских убеждений призывника и принятия решения о невозможности освобождения его от военной службы? Например, призыву на военную службу подлежит военнообязанный человек, в прошлом проходивший действительную военную службу и даже имеющий боевой опыт. В момент призыва он заявляет об отказе от несения военной службы по причине пацифистских убеждений. Схожая ситуация: от дальнейшего прохождения военной службы отказывается лицо, уже находящееся на службе. Подобные ситуации не существовали только гипотетически. В годы гражданской войны в России, когда практика освобождения от воинской повинности граждан по религиозным убеждениям была расширена и военнообязанные активно призывались из запаса, возникла проблема с призывом в Красную армию бывших офицеров. Некоторые из них отказывались от призыва, мотивируя свой отказ появившимися у них пацифистскими убеждениями. Кстати, в этой ситуации стояла задача не только установить подлинность убеждений, но еще и разобраться с их содержанием – были ли они религиозные или все же политические. Если в данном случае в качестве главного критерия подлинности убеждений отказников-офицеров брать их образ жизни и характер деятельности, то они со своим военным прошлым освобождению не подлежали ни при каких условиях. Для лучшего понимания несостоятельности такого подхода представим, что на месте одного из этих офицеров оказался бы Л.Н. Толстой и его пацифистские убеждения не признали бы подлинными только на том основании, что он в прошлом был боевым офицером. Показательны и судьбы ближайших сподвижников Л.Н. Толстого, которые изначально исповедовали православие, были боевыми офицерами, а впоследствии стали радикальными пацифистами. Особо информативен в этом плане пример князя Дмитрия Александровича Хилкова. Будучи казацким сотником, участвовал в боевых действиях против турок, во время которых зарубил одного из них. Под влиянием переживаний, связанных с этим обстоятельством, оставил военную службу. В дальнейшем, опираясь на опыт общения с духоборами, знакомство с Л.Н. Толстым и его учением, стал активно пропагандировать пацифистские воззрения, за что был сослан, а в начале Первой мировой войны добровольно ушел на фронт, где и погиб.

Предпримем попытку с позиций психологии религии обосновать сомнительность применения в качестве основного критерия для оценки религиозных убеждений прошлого образа жизни и характера деятельности лица, отказывающегося нести военную службу в силу имеющихся у него убеждений*. Данное обоснование будет базироваться на доказательстве, что человек в короткий срок может стать убежденным религиозным пацифистом. Для примера рассмотрим динамику формирования религиозных убеждений. В психологии религии одной из

*Этот критерий достаточно часто используется в современной практике освобождения от военной службы вследствие религиозных убеждений призывника.

актуальнейших проблем является проблема религиозного «обращения» [6]. Абстрагировавшись от узкопрофессиональных научных споров, можно прийти к следующим выводам. Под религиозным «обращением» понимается приход человека к той или иной религиозной вере, а значит и появление у него устойчивых религиозных убеждений, присущих ей. речь идет не только об обретении религиозной веры, но и замене одной веры на другую. Произойти «обращение» может двумя путями. Первый условно можно обозначить как революционный. «Обращение» протекает интенсивно, ему предшествует кризис личности, неудовлетворенность собой, своей жизнью, системой ценностей и т. п., сопровождается бурными переживаниями, «обращенный» может точно назвать время и место, когда в нем произошел «духовный переворот» [там же]. Второй путь – эволюционный, характеризующийся постепенным ростом и углублением религиозной веры, протекающий без резких эмоциональных потрясений. Из описания феномена религиозного «обращения» можно сделать ряд выводов. Для обретения тех или иных религиозных убеждений человеку совершенно необязательно родиться в семье верующих и получить соответствующее воспитание. На смену одним религиозным убеждениям могут прийти другие. Осознание человеком появившихся у него религиозных убеждений может произойти в очень короткий срок и за этим неизбежно последует формирование в его сознании новых ценностных ориентаций и социальных установок, во многом определяющих его поведение. Если это были пацифистские убеждения, человек может отказаться от выполнения обязанностей военной службы даже непосредственно в ходе ведения боевых действий. О том что участие в войне может служить катализатором религиозного «обращения», говорит такой факт. Согласно данным американских исследователей М. Аргайла и Б. Бейт-Халлами у 79 % американцев, участвовавших во Второй мировой войне, религиозная вера усилилась [там же]. Таким образом, рассмотренные внешние критерии представляют собой реальные действия человека. Именно как реальные действия они в большинстве случаев могут быть объективно зафиксированы и оценены. В этом особая привлекательность внешних критериев, особенно с точки зрения юриспруденции. Очевидно и то, что реальные действия человека коррелируют с его убеждениями, в силу чего и делаются попытки использовать в качестве критериев такие реальные действия человека, как вступление в различные организации, его образ жизни и характер деятельности. Тем не менее, данные критерии в каждый конкретный момент далеко не всегда зеркально отражают убеждения человека, в том числе и пацифистские, а значит и не позволяют доказательно судить об их характере.

Обратимся к проблеме внутренних критериев убеждений. В качестве таковых могут рассматриваться представления, знания, ценностные ориентации, ставшие мотивами поведения человека. В принципе данные критерии конкретны и могут быть объективно оценены. Достаточно обратиться к колоссальному опыту оценки знаний, накопленному человечеством. Однако и здесь вполне возможно возникновение спорных ситуаций. Предположим, призывник в силу неких меркантильных соображений решил уклониться от военной службы, симулируя убеждения, дающие право на освобождение от нее. Вряд ли для него будет непреодолимым препятствием получение необходимых для симуляции знаний. Кроме того, даже если обозначенные выше критерии удастся объективно оценить, на повестку дня встает более сложный вопрос – переросли ли эти знания,

представления, ценностные ориентации в убеждения. Поиск ответа неизбежно вновь приведет к необходимости выявления и оценки внешних критериев.

Наряду с выделением убеждений, дающих право на освобождение от военной службы и прохождение альтернативной, установлением их подлинности не менее сложной представляется и задача применения в этих целях специальных психологических знаний, методов и методик. Отметим, что даже оценка знаний, лежащих в основе пацифистских убеждений, требует высокой квалификации специалиста, уполномоченного их оценивать. Достаточно вспомнить все многообразие религиозных вероучений, философских и этических воззрений, отрицающих военную службу. Не вызывает сомнений, что использование при оценке убеждений как внешних, так и внутренних критериев, повышает ее точность. Однако неизбежно придется расплачиваться временными ресурсами, привлечением значительного числа высококвалифицированных специалистов, разработкой специальных методик, а значит, нести немалые финансовые затраты. На практике такая возможность существует далеко не везде и не всегда.

Наряду с высокой квалификацией экспертов немаловажное значение имеет и обеспечение их объективности. Исторический опыт убедительно подтверждает, что добиться этого нелегко. Обратимся к примерам. В период гражданской войны в России проверка искренности религиозных убеждений «отказников» возлагалась на Объединенный совет религиозных общин и групп*. Рассмотрение соответствующих запросов от народных судов и заявлений от отдельных граждан проходило как при личном участии «отказников», так и без их участия. При проведении экспертиз Совет опирался, главным образом, на персональное знание его членами личности отказывающегося, его убеждений, образа жизни, а также на результаты индивидуальных собеседований с «отказниками». Анализ сохранившихся протоколов Совета показал, что только за период с 10 февраля по 26 декабря 1919 г. было рассмотрено в общей сложности 1330 запросов и заявлений. Причем лишь в четырех случаях (0,3 % всех рассмотренных случаев) религиозные убеждения граждан были признаны как не противоречащие прохождению военной службы [5]. Следствием такого подхода стало лишение декретом Советом Народных Комиссаров в декабре 1920 г. Объединенного совета религиозных общин и групп монопольного права на проведение экспертиз религиозных убеждений граждан, желающих получить освобождение от военной службы. Для проведения экспертиз в дальнейшем предписывалось приглашать «сведущих и внушающих доверие представителей соответствующих религиозных вероучений и других лиц, обладающих соответствующими знаниями и опытом» [там же]. На практике это привело к перегибу в обратном направлении и существенному сокращению числа тех, кто освобождался от военной службы вследствие своих убеждений.

* Объединенный совет религиозных общин и групп был организован осенью 1918 г. с целью содействия Советской власти в освобождении от воинской повинности граждан, по совести не приемлющих участия в военном деле. В первые годы Советской власти Совет проводил экспертизы обоснованности заявлений призывников об освобождении их от воинской повинности по религиозным убеждениям. Состоял из представителей Московской группы меннонитов, Московской общины евангельских христиан-баптистов, Московской общины евангельских христиан, Общества истинной свободы в память Л.Н. Толстого, трудовой общины-коммуны «Трезвая жизнь», Общины христиан-адвентистов Седьмого дня.

Важно отметить, что часть религиозного сектантства протестовала против проведения Объединенным советом экспертиз религиозных убеждений. Аргументировалось это тем, что никому не дано знать происходящее в душе человека, насколько он искренен, и вообще – «нельзя лезть в человеческую душу». Не было единства и среди самих членов Совета. По свидетельству его председателя В.Г. Черткова, всех членов по их отношению к экспертизам можно было условно разделить на три группы. К первой относились члены Совета, которые соглашались проводить экспертизу и давать заключения по ее результатам в каждом требуемом случае вне зависимости, были ли они лично знакомы с гражданами, убеждения которых исследовались. Отнесенные к этой группе члены Совета основывались на том, что залогом объективности проводимых ими экспертиз служит их собственная совесть. Ко второй можно отнести членов, которые отказывались рассматривать религиозные убеждения не знакомых им лично людей. Такие члены Совета соглашались давать заключения только об убеждениях лиц, искренность которых была им достоверно известна. К этой группе относил себя и В.Г. Чертков. Третью группу составляли члены Совета, не считавшие возможным для себя вообще участвовать в проведении экспертиз. Они считали, что объективное исследование религиозных убеждений людей невозможно [5].

Касаясь вопроса возможного использования для дифференциации пацифистских убеждений тех или иных методов и методик, особо подчеркнем ряд обстоятельств. Для данной дифференциации использовались в прошлом, используются сейчас и, скорее всего, активно будут применяться в дальнейшем методы, базирующиеся на самоотчетах призывников (опрос, беседа, тестирование). Результаты, получаемые с их помощью, уже по определению скорее субъективны, чем объективны. Специализированные тестовые методики, отвечающие установленным требованиям и рассчитанные на диагностику именно пацифистских убеждений, отсутствуют. В этой связи особый интерес вызывают методы, основанные на применении высоких технологий, в частности, полиэффекторный (полиграфический) метод. Его привлекательность на фоне других диагностических методов связана с его объективностью. Однако существующие этические ограничения делают, как минимум, дискуссионным вопрос об использовании полиграфа при исследовании пацифистских убеждений.

Все перечисленное выше заставляет задуматься и о форме применения специальных психологических знаний при дифференциации пацифистских убеждений в юриспруденции. Специалисты по юридической психологии выделяют три таких формы: психологическая экспертиза; участие специалиста-психолога; психологическая консультация. В юриспруденции наиболее активно используется судебно-психологическая экспертиза, т. е. форма применения специальных психологических знаний, когда лицо, обладающее ими, выступает в роли эксперта. Это связано с тем, что экспертиза и ее результаты имеют важное юридическое значение. Заключение судебно-психологической экспертизы является самостоятельным доказательством в уголовном и гражданском процессах. Именно от результатов экспертизы порой зависят характер и содержание принимаемого полномочным лицом решения [2], в связи с чем уместной представляется постановка следующей дискуссионной проблемы: способен ли в настоящее время психолог, выступающий в роли эксперта, нести правовую ответственность за

истинность, научность и объективность проведенного исследования пацифистских убеждений, интерпретацию полученных данных и представленное заключение?

Анализ теоретических подходов к проблеме психологической экспертизы пацифистских убеждений лиц, подлежащих призыву на военную службу, позволяет сделать ряд выводов.

1. Возможность доказательно судить о наличии у призывников убеждений, дающих право на освобождение от военной службы, является актуальной проблемой становления института альтернативной гражданской службы. Ее решение невозможно без применения специальных психологических знаний, психодиагностических методов и методик.

2. В теоретической плоскости проблемы доказательности суждений о наличии у призывников пацифистских убеждений наиболее сложным представляется выделение и научное обоснование возможных критериев, позволяющих дифференцировать убеждения призывников и выделить убеждения, дающие право на освобождение от военной службы и прохождение службы альтернативной. В практической плоскости исследуемой проблемы следует выделить практическое отсутствие специального психодиагностического инструментария, отвечающего современным требованиям.

3. Противоречивость в подходах к определению критериев подлинности пацифистских убеждений призывников, предназначенных для их диагностики методов и методик, сложившиеся на данный момент, остро ставит вопрос о форме применения специальных психологических знаний при дифференциации убеждений, дающих право на освобождение от военной службы, в юриспруденции.

Литература

1. Альтернативная гражданская служба: прошлое, настоящее, будущее» / Под ред. И.Г. Захарова, А.А. Поповой. М., 2000.
2. *Нагаев В.В.* Основы судебно-психологической экспертизы. М., 2000.
3. Психология. Полный энциклопедический справочник / Под ред. Б.Г. Мещерякова, В.П. Зинченко. СПб., 2007.
4. *Стволыгин К.В.* Отказы от военной службы вследствие убеждений в Российской империи. Мн., 2010.
5. *Стволыгин К.В.* Политика освобождения граждан от воинской повинности по религиозным убеждениям в Советском государстве (1918–1939 гг.): Дисс. ... канд. ист. наук. Минск, 1997.
6. *Угринович Д.М.* Психология религии. М., 1986.
7. *Brock P.* Freedom from war: Nonsectarian Pacifism 1814–1914. Toronto, 1991.

Theoretical approaches to the problem of expertise of pacifist convictions of conscripts

Stvolygin K.V., PhD in history, associate professor, Minsk branch of the Russian State Social University (konstvol@mail.ru)

The aim of this contribution is the analysis of theoretical approaches to the problem of carrying out the psychological expertise of pacifist convictions of persons subject to call to military service. Legalization of alternative civil service in the Russian Federation and other CIS states makes relevant the problem of verification of pacifist convictions, because it inevitably leads to questionable cases related to making statements of existence or lack of sincere convictions which are incompatible with military service. The contribution analyses the main components of the problem of carrying out the psychological expertise of pacifist convictions which entitle the prescript to avoid military service and to perform alternative service; verification of pacifist convictions; possibility of using special psychological knowledge and methods for this reason. The author classifies and analyses the main criteria used in the course of psychological expertise of pacifist convictions.

Keywords: alternative service, pacifist convictions, psychology of religion, psychological expertise, legal psychology.

References

1. Al'ternativnaja grazhdanskaja sluzhba: proshloe, nastojawee, buduwee»/ Pod red. Zaharova I.G, Popovoj A.A.. – M.: «Graal'», 2000. - 175 s.
2. *Nagaev V.V. Osnovy sudebno-psihologicheskoy jekspertizy/ V.V. Nagaev. - M.: JuNITI-DANA, 2000. - 211 s*
3. Psihologija. Polnyj jenciklopedicheskij spravochnik/ Pod red. B.G. Mewerjakova, V.P. Zinchenko. – SPb, 2007. – 896 s.
4. *Stvolygin, K.V. Otkazy ot voennoj sluzhby vsledstvie ubezhdenij v Rossijskoj imperii / K.V. Stvolygin. – Mn.: RIVSh, 2010. - 248 s.*
5. *Stvolygin, K.V. Politika osvobozhdenija grazhdan ot voinskoj povinnosti po religiozным ubezhdenijam v Sovetskom gosudarstve (1918-1939 gg.): Dis. ... kand. ist. nauk: 07.00.03./ K.V. Stvolygin. – Minsk, 1997. – 120 l.*

6. *Ugrinovich, D.M.* Psihologija religii/ D.M. Ugrinovich - M.: Politizdat, 1986. - 352 s.
7. *Brock, P.* Freedom from war: Nonsectarian Pacifism 1814-1914/ P. Brock. – Toronto: University of Toronto Press. 1991. – 436 p.